

5. Сикорский И. А. Психологические основы воспитания / И. А. Сикорский // Вопросы нервно-психической медицины. – 1905. – № 4. – С. 608–622.
6. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
7. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
8. Трещева Е. Ю. Лингвокультурная концептосфера психологической науки : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / Е. Ю. Трещева. – Волгоград, 2011. – 194 с.
9. Фатеева А. Комплекс Котовского, или Куда спрятать лысину [Электронный ресурс] / А. Фатеева. – Режим доступа : <http://www.inha.ru/article/kompleksy-ot-a-do-ya/kompleks-kotovskogo-ili-kuda-spryatat-lysinu>.

Абашкіна Т. Л. Формування психологічних термінів на основі прецедентної концептосфери.

У статті схарактеризовано основні шляхи входження прецедентних імен до складу концептосфери психологічної науки. Розглядаються метонімічний та метафоричний типи епонімізації.

Ключові слова: психологічний термін, прецедентний текст, прецедентне ім'я, епонім, епонімізація.

Abashkina T. L. The precedent conceptosphere as a source of psychological terminology.

The article describes the main ways of the inclusion of precedent names into the psychological sciences conceptosphere. The metonymical and metaphorical aspects of eponymization are considered.

Keywords: psychological term, precedential text, precedential name, eponym, eponymization.

А. С. Данилевская
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ОТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА К ДИАЛЕКТНОЙ

В статье исследуются конститuentы языковой и диалектной картин мира, определяются особенности их лингвокультурных пространств. Подробно описываются принципы организации диалектной картины мира на примере русских говоров Приамурья.

Ключевые слова: языковая картина мира, диалектная картина мира, антропоцентричность, парцеллирование, субъективизм, пессимизм, консерватизм.

“Антропоцентрический сдвиг” в филологии способствовал введению в круг лингвистических понятий термина “картина мира” (далее – КМ). Появившийся вначале в физике и получивший широкое распространение, он проделал долгий путь от философии к лингвистике. В языкознании в

качестве равнозначных используются понятия “картина мира”, “модель мира”, “образ мира”, “мировидение”, но наиболее употребляемыми в научных кругах все же являются понятия картины и модели мира.

Применительно к языку КМ представляет оформленную систематизацию содержательного плана, которая по своему характеру несколько субъективна и отличается фиксацией донаучного познания мира. Заслуга введения и укоренения в лингвистике термина языковая картина мира (ЯКМ) принадлежит таким ученым, как В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Р. Гжегорчикова, Р. Токарски, Г. А. Брутян, А. Вежбицкая, Г. В. Колшанский, Ю. Н. Караулов, Е. С. Яковлева, Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, Н. Ю. Шведова, Т. И. Вендина, О. А. Корнилов, И. А. Стернин.

На рубеже веков особую актуальность приобретает изучение территориальной разновидности языка как варианта общенациональной ЯКМ, определяемого большинством ученых как диалектная картина мира (ДКМ). В отличие от ЯКМ, ДКМ может скрывать более архаичные черты и обладать большей устойчивостью, поскольку, воплощая народную культуру, в значительной степени сохраняет “наивный”, эмпирический образ действительности. “Диалектоноситель иначе, чем носитель литературного языка, номинирует окружающий мир, рисует иную картину бытия, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их” [4, с. 25].

Под ДКМ (вслед за исследователями С. М. Беляковой, Н. А. Закуткиной, О. А. Радченко) понимается система традиционно-народных представлений о мире, имеющая нечеткий, во многом эклектический характер и отраженная в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств [1, с. 73]. ДКМ отражает особенности уклада, быта, характерные черты сельского труда, близость человека к природе.

В ДКМ, подобно общенациональной КМ, можно выделить универсальные и уникальные черты. Возможность их сосуществования обусловлена самой природой ДКМ, базирующейся на универсалиях национальной языковой системы, которые подвергаются интерпретации отдельной этнической группы через призму традиций, верований, взглядов и образа жизни. Это в свою очередь накладывает отпечаток как на форму, так и на языковое членение действительности [8, с. 24].

Цель статьи – описать универсальные и уникальные конститuentы языковых картин мира на примере ДКМ русских говоров Приамурья.

Сопоставительные исследования ЯКМ различных лингвосообществ позволили ученым выделить такие универсальные признаки, как антропоцентризм и антропометричность. Р. Х. Хайруллина, проанализировав фразеологическую КМ как часть ЯКМ, дополнительно выделила такой признак, как экспрессивность, включающую в себя образность и модальность [8, с. 12–19].

Выявленные языковедами признаки можно в равной степени отнести как к национальным ЯКМ, так и к диалектным, однако, представляя собой особую подсистему языка, ДКМ располагает определенным набором собственных признаков, к числу которых исследователи О. А. Радченко и Н. А. Закуткина отнесли антропоцентричность, парцеллирование объектов познания (детальная номинация явлений, процессов окружающей действительности), субъективизм, бóльшая зависимость от внешних условий бытия (соотносительно с общенациональными ЯКМ), а также “пессимизм” и консерватизм [4].

ДКМ Приамурья организована в соответствии с указанными принципами. Уникальность КМ диалектоносителей региона выражается в конкретной языковой реализации. В качестве языковых знаков – репрезентантов ДКМ – выбраны фразеологические единицы (далее – ФЕ): именно они покрывают тот участок реальности, который обратил на себя особое внимание человека, этнической группы и “заслужил” дополнительного переосмысления. Соотносясь с предметной и духовной областями культуры, ФЕ отражают накопленный исторический опыт народа, преломленный через выработанную веками систему ценностей: представления о жизни и смерти, о добре и зле, о болезни и здравии, труде и отдыхе, о богатстве и бедности. Цель воссоздания фрагментов реальности средствами фразеологии обусловлена по большей части желанием не столько описать, сколько подвергнуть интерпретации то или иное явление или событие, и именно ФЕ, в отличие от слов, “богаче по образно-мотивационному основанию, и являют собой своего рода микротексты, обычно содержащие в себе имплицитно или эксплицитно все виды модальности” [6, с. 84].

Главенствующие принципы, организующие лингвокультурологическое пространство любой ДКМ, – антропоцентричность и антропометричность – лежат в основании выбора “точки отсчета”. Так, в говоре для описания пространственно-временных категорий, размера, формы, положения предмета, живых существ, явлений диалектоноситель в качестве главного “мерила” использует человека: *баба рогатая* ‘изделие из сдобного теста в виде кулича’ [5, с. 23], *бабьи сплетни* ‘1) стелющееся травянистое растение; 2) комнатный цветок, традесканция’ [5, с. 24], *глаза пропали* ‘об ослабнувшем зрении’ [5, с. 91], *в темную голову* ‘безрассудно, чрезмерно’ [5, с. 95], *голова два уха* ‘о простоватом, слишком доверчивом человеке’ [5, с. 95], *зубами крючатъ* ‘сидеть без пропитания, испытывая голод’ [5, с. 216], *на косу дарки ложить* ‘свадебный подарок с символическим значением для невесты’ [5, с. 234].

Интерпретируя окружающую действительность, диалектоноситель использует слова, относящиеся к тематическому блоку “физический облик человека”. Так, во ФЕ, характеризующих речевую деятельность носителя говора, можно выделить лексические компоненты-соматизмы – такие, как

язык, зубы, горло, голова. В семантике этих ФЕ обычно содержится негативная оценка речевого поведения, например: *зубы мыть* ‘1) болтать, проводить время за разговорами; 2) насмеяться’ [5, с. 258], или же *щерить зубы* ‘злиться, сердиться на кого-либо’ [5, с. 517]; также *язык как помело* ‘характеристика болтливости человека’, *под один язык* ‘говорить на одном языке’ [5, с. 520]; *натопорить уши / наставить ухо* ‘напрячь слух, внимательно прислушаться’, *пропустить мимо ушей* ‘не придать значения чему-нибудь’ [5, с. 274]; *во (на) всю голову (кричать, орать)* ‘очень громко, во весь голос’ [5, с. 213]; *брать (взять) горлом* ‘добиваться своего при помощи крика’ [5, с. 48]. Кроме того, соматические компоненты присутствуют во ФЕ, описывающих иные аспекты жизни: обрядовое действие – *руки разматывать* ‘элемент повивального обряда, состоящий во взаимном омовении рук родильницы и повитухи’ [5, с. 374], *собирать под косу* ‘приглашать подруг невесты в дом матери невесты’ [5, с. 421], *рожу чертить* ‘заговаривать молитвой и определенным ритуалом от какой-нибудь болезни’ [5, с. 496]; количественные характеристики – *глаз (глаза) не разинуть / глаз не открыть* ‘о большом количестве гнуса’ [7, с. 20]; различные состояния – *руки к сердцу* ‘об отдыхе’ [5, с. 386], *сердце припало к жизни* ‘перестать волноваться’ [5, с. 404], *скруживать голову* ‘о головокружении’ [5, с. 415], *не в голову было* ‘невдомек’ [5, с. 55], *взять в голову* ‘задуматься о чем-либо’ [5, с. 68]; способ действия – *о двух рук* ‘двумя руками’ [5, с. 386]; названия растений – *хлеб сердца* ‘боярышник’ [5, с. 480].

Тесно связанный с антропоцентричностью принцип, обозначенный учеными [4] как “большая зависимость от внешних условий бытия” (в сравнении с общенациональной ЯКМ), обусловлен объективными условиями существования носителей говора: это, во-первых, географическая локация, климатические условия, соседство с другими этническими группами, а также удаленность от центра, активной социально-политической и экономической жизни страны. Реализация этого признака в ДКМ Приамурья проявляется в особом восприятии реалий природного мира, нового, дикого, непривычного для первых жителей региона, что отразилось, например, в номинации самих переселенцев, предметов их материальной культуры, а также природных явлений. Так появились ФЕ терминологического характера *аргунские колоба* ‘блины из просяной муки’ [5, с. 22], *аргунский чай* ‘зеленый чай, который кипятят, опуская в него раскаленный камень-жеребчик’ [Там же]. Выражения возникли на основе переосмысления лексического компонента *аргунский*, восходящего к гидрониму *Аргунь* – река в Забайкалье, правая составляющая Амура, протекающая как со стороны Китая, так и России, пограничная река. В результате метонимического переноса за первопоселенцами из Забайкалья закрепились лексемы *аргуни, аргуни, аргунец, аргунейка*. Именно для наименования переселенцев из Забайкалья и Сибири в говоре приходится более 20 лексем, что подтверждает их заметную роль в истории и культуре края: именно они привезли в новые места обычаи, принятые в их родном

регионе, в частности, и традиции приготовления различных блюд. Так, особый способ заваривания чая на основе молока или сливок, яиц, масла, сметаны с добавлением раскаленного камня, который при высокой температуре издавал специфические звуки, напоминающие конское ржанье, откуда и название 'камень-жеребчик': *Жеребчик, он в загнетине* (углубление внутри шестка или в топке русской печи, куда сгребают горячие угли [5, с. 146]) *варился: камешок так калится, оботрут камень и в воду, он закипит и как "заржет", вроде лошади, – и вот жеребчик* [5, с. 137].

Близкое соседство с коренными народностями, знакомство с их культурой, установление хозяйственных, торговых, бытовых, семейных связей способствовало тому, что русские переселенцы овладевали нанайским, нивхским языком, и наоборот [2, с. 405]. Пополнив словарный запас русских крестьян, многие из заимствований составили неотъемлемую часть их активного лексикона и продолжают функционировать в настоящее время. До сих пор активно употребляются ФЕ терминологического характера, номинирующее элемент одежды *орочонские рукавицы*, имеющее диалектный лексический аналог *дыроватки* ' меховые охотничьи рукавицы с разрезом для быстрого высвобождения руки при стрельбе' [5, с. 298]. Атрибутивный компонент *орочонские* восходит к этнониму *орочи* – исчезающая малая народность, проживающая в России преимущественно на территории Хабаровского края. Как отмечают исследователи малых народностей Дальнего Востока Р. В. Суляндзига, Д. А. Кудряшова, П. В. Суляндзига, русские переселенцы ошибочно называли орочей орочонами, что в дальнейшем, возможно, и привело к закреплению в диалектной речи искаженной формы. В говоре существует достаточно много лексических единиц с корнем *ороч-*, *орогд-*, номинирующих одежду.

Актуальность автохтонных заимствований в русских говорах Приамурья на сегодняшний день подтверждается активным использованием их носителями диалекта.

Близкое соседство с Китаем, установление политики добрососедства привело к тому, что на территорию Дальнего Востока, в частности Амурской области, активно стали проникать китайские товары вначале путем натурального обмена. Язык моментально откликнулся на новые веяния в культурно-политической жизни региона, и в речи появилось и закрепилось новое выражение *китайские обувки* 'то же, что *китайки* – домашние тапочки, сшитые китайцами' [5, с. 188]. В говоре лексема *обувки* имеет несколько значений: первое соотносится с диалектизмом *обуй*, называющим любую обувь: *Обуй-то разный. Старинна обуй – только олочки* [5, с. 288]; второе – самодельная рабочая обувь: *Обувка всякая была, что смастеришь* [Там же]. Во ФЕ реализуется первое значение диалектного компонента.

Парцеллирование объектов концептуализации является характерным и ярким отличительным признаком ДКМ. В отличие от литературного языка диалекту свойственно детальное описание, дробное членение

воспринимаемого объекта при условии его особой значимости для субъекта и этнической группы в целом. Так, в зону пристального внимания для диалектоносителя попадает наиболее важная сфера жизни человека сельской местности – трудовая деятельность и все, что с ней связано. Здесь наблюдается преобладание ФЕ глагольного типа *гнать гонком* ‘перегонять скот на большое расстояние’ [5, с. 92], *на зорьку бежать* ‘идти на рыбную ловлю или на охоту с рассветом’ [5, с. 33], *брать дорогу* ‘перевозить грузы на дальние расстояния по тракту’ [5, с. 48], *быть в няньках* ‘нянчить чужих детей’ [5, с. 55], *быть в работе* ‘работать у богатых’ [5, с. 56], *стопу выгнать* ‘завершить постройку сруба’ [5, с. 81] и многие другие, характеризующие различные аспекты трудовой деятельности носителей говора.

К числу важнейших особенностей ДКМ относят субъективизм, проявляющийся в выборе объектов вербализации внеязыковой действительности [3, с. 67–68; 4, с. 25]. По сравнению с научной картиной мира ДКМ “включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты” [3, с. 67].

В круг оценивания попадает все, что доступно для человеческого восприятия, однако чаще в зоне интересов оказывается сам человек, его физические и психические характеристики, сопоставляемые с неким образцом, универсальным для многих культур.

Общая оценка человека, как положительная, так и отрицательная, в русской национальной КМ и ДКМ выражается по большей части при помощи эмотивных лексем типа *мерзавец, дубина, сволочь, сопляк, дурак, собака* и др. В приамурских говорах частные оценки выражаются ФЕ, включающими в свой состав оценочную лексику негативной коннотации. В ДКМ ярко представлен различный спектр отрицательных оценок: *шипшиная баба* ‘острая на язык женщина’ [5, с. 23], *собачий век* ‘период жизни в преклонном возрасте’ [5, с. 59], *голова-то овин, да в овине-то клин* ‘характеристика неумного, глуповатого человека’ [5, с. 95], *ни голосу ни выносу* ‘об отсутствии физических возможностей’ [5, с. 96], *отбойное место* ‘о чрезмерно бойком, любящим всякие проделки человеке’ [5, с. 301].

По наблюдениям большинства лингвистов, положительная оценка человеческой деятельности и сопутствующих явлений в языке уступает в количественном и качественном соотношении негативной. Таким образом, подтверждается выдвинутый учеными (О. А. Закуткина, Н. А. Радченко) признак – “пессимизм”. По справедливому замечанию немецкого диалектолога А. Баха, “народ хвалит неохотно, популярнее – порицание и критика. Боль, гнев, злость и насмешка отражаются в словаре и ведут к подбору все новых и новых оборотов” (цит. по: [4, с. 41]). В говорах Приамурья этот признак реализуется в значительном количестве ФЕ, описывающих нелегкую судьбу крестьян: *вечный батрак* ‘о человеке, всю

жизнь проведем в тяжелом физическом труде' [7, с. 14], *быть в хомуте* 'постоянно находиться на тяжелой физической работе' [7, с. 12], *горе видеть* 'о многочисленных пережитых испытаниях, тяготах' [7, с. 15], *горя принять* 'испытать много горя' [7, с. 56], *принять голодяшки* 'испытать голод' [5, с. 359], *плохое счастье* 'о тяжелой доле, безрадостной жизни' [7, с. 69], *пойти под откос* 'о ситуации, в которой какие-либо изменения в жизни человека нарушают или коренным образом меняют его привычный образ жизни в худшую сторону' [7, с. 54], *сделать каюк* 'лишить возможности жить в данном месте' [5, с. 400], *сбить мечту* 'лишить возможности', *работать за присевок* 'работать у хозяина только за пропитание' [5, с. 395].

Консерватизм ДКМ обусловлен прежде всего самой формой существования диалекта в пределах определенной, относительно замкнутой социальной группы (одной возрастной категории, преимущественно, люди пожилого возраста), территориально локализованной в сельской местности. Чем больше удаленность от культурного центра, тем больше собственно диалектных особенностей сохраняется в речи носителей говора. Активно проникающие слова литературного варианта языка действуют на диалект разрушающе, превращая его в просторечие. В естественном стремлении к самосохранению диалект предпочитает устоявшиеся формы и привычные образы, что обусловлено и психологическими особенностями возрастной категории носителей говора, выражающимися в слабой способности к восприятию нового. Так, в ДКМ Приамурье до сих пор актуальны и неизменны ФЕ, возникшие в речи во времена первых сплавов по Амуру, связанные с промысловой деятельностью *стрелять по порошке* 'охотиться с ружьем, когда выпадет первый снег'; с описанием, воспоминаниями о прошлой жизни как *Катруся* 'о грязнуле, неряхе' [7, с. 35], *у вас кошка в лапше окотилась* 'о нерасторопности в приготовлении лапши' [7, с. 39], *златая слеза не выкатится* 'ничего не случится' [7, с. 65].

Таким образом, ДКМ, имеющая много общего с общеязыковой КМ в своем формальном и содержательном планах, отличается, тем не менее, своим естественным, "наивным" характером, а также более яркой выраженностью отдельных элементов. Диалект как более архаичная форма существования языка, присущая относительно замкнутому субэтническому обществу, фиксирует первичное мировосприятие, во многом утраченное современным языковым сознанием.

Л и т е р а т у р а :

1. *Белякова С. М.* Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области) : дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. М. Белякова. – Екатеринбург, 2005. – 354 с.
2. *Бураева О. В.* Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона XVII–XX вв. : дис. на соискание уч. степени д-ра ист. наук : 07.00.07 / О. В. Бураева. – Улан-Удэ, 2005. – 405 с.

3. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : уч. пособ. / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр “Академия”, 2001. – 208 с.
4. *Радченко О. А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / А. О. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–48.
5. Словарь русских говоров Приамурья : 2-е изд., исправл. и доп. / под ред. О. Ю. Галузо, Ф. П. Ивановой, Л. В. Кирпиковой, Л. Ф. Путятиной, Н. П. Шенкевец. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.
6. *Телия В. Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 344 с.
7. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. : Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – 160 с.
8. *Хайруллина Р. Х.* Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.
9. *Хроленко А. Т.* Основы лингвокультурологии : уч. пособ. / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта, 2005. – 184 с.

Данилевская А. С. Ключові поняття лінгвокультурології: від мовної картини світу до діалектної.

У статті досліджуються конституенти мовної та діалектної картин світу, визначаються особливості їх лінгвокультурних просторів. Докладно описуються принципи організації діалектної картини світу на прикладі російських говірок Приамур'я.

Ключові слова: мовна картина світу, діалектна картина світу, антропоцентричність, парцелювання, суб'єктивізм, песимізм, консерватизм.

Danilevskaia A. S. The key concept of cultural linguistics: from linguistic picture of the world to the dialectal.

The article examines the constituents of language and dialect pictures of the world, are determined by the characteristics of their linguocultural spaces. Details the principles of dialectal picture of the world the example of the Amur region of the Russian dialects.

Keywords: linguistic picture of the world, the dialect picture of the world, anthropocentric, parceled, subjectivism, pessimism, conservatism.

Д. А. Колодько
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

МЕРОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИХ ПРИВАТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ

Статья посвящена исследованию смысловозначительных оппозиций. Рассмотрены различные типы отношений между коррелятами семантического поля. Особое внимание уделяется отношениям включения. Вследствие применения дефиниционного анализа выявляются особенности привативных оппозиций меронимов.